

ДНЕВНИК КАК ДОКУМЕНТ ДУШИ

Л. Л. Таймазова

В данной статье рассматриваются особенности дневника как одного из источников мемуарной прозы (дневник М. Волошина «История моей души»), а также соотношение категорий субъективного и объективного.

Ключевые слова: дневник, мемуары, объективность, память, субъективность

У даній статті розглядаються особливості щоденника як одного із джерел мемуарної прози (щоденник М. Волошина «Історія моєї душі»), а також співвідношення категорій суб'єктивного й об'єктивного.

Ключові слова: щоденник, мемуари, об'єктивність, пам'ять, суб'єктивність

This article deals with peculiarities of diary memories as one of the main sources of memoir prose (diary M. Voloshin «History of my soul»).

Key words: diary, memories, memory, objective, subjective

Актуальность исследования. В творчестве каждого писателя, наряду с художественным выражением, существует выражение своего «я» в объективном виде, когда автор старается запечатлеть время и свое отношение к нему. Такими жанрами являются мемуары, а также дневники как одно из составляющих мемуаристики. Произведения таких жанров имеют самостоятельную исследовательскую ценность, поскольку позволяют увидеть мир глазами художника.

Цель данной статьи – проследить соотношение категорий объективного и субъективного в мемуарных записках в целом, и в частности в дневнике Максимилиана Волошина «История моей души».

Жизнь художника-мастера, неизбежно причастная исторической жизни народа, сама является ее элементом и несет в себе черты всеобщности, достойные того, чтобы, сумев осознать, попытаться запечатлеть их в искусстве как достоверное свидетельство эпохи. И чем решительней авторское право на мемуарное увековечивание жизненных итогов пересекается с требованиями обобщения, лежащими в основе творчества писателя, тем более историко-архивная ценность произведения восполняется, а порой и замещается, ценностью художественной.

В «Шагренево́й коже» Оноре де Бальзака один из персонажей говорит: «[...] У меня в руках все материалы, необходимые для составления весьма любопытных исторических мемуаров, а я не знаю, под каким соусом их подать, это меня мучит. Нужно спешить, – мемуары, того и гляди, *выйдут из моды*» (курсив мой. – Т.Л.) [1, с. 108].

Практика создания мемуаров существовала всегда. Но по-настоящему распространенной она становилась, вероятно, в переломные моменты исторических событий, когда возникала литературная и общекультурная потребность художественного осмысления эпохи. На этой волне особенно динамичным родом словесности и становится мемуаристика, в которой автором осмысляется диалектика разномасштабной жизни, самоценность каждого мгновения, своеобразие каждого исторического периода, значительность движения времени в жизни отдельного человека и общества в целом.

Можно предположить, что автору мемуаров интереснее выявлять не специфику ситуации, а специфику субъективной реакции на нее, показать некий механизм психологического восприятия, объяснить его, понять, а тем самым, в известном смысле, принять как одну из возможных моделей.

Но поле мемуаристики, что называется, «заминировано», и носиться по нему без оглядки небезопасно...

Безусловно, мемуары субъективны. Но какова допустимая мера субъективности, ибо описываемые события подаются одним человеком (автором), через его мысли, его чувства, его убеждения. (У древних греков есть понятие «аристон» – наилучший, синонимом этого слова они считали меру, точнее – чувство меры. Это очень тонкое ощущение, уловить которое весьма трудно.)

Исходя из философского знания, различение понятий «объективное» и «субъективное» строится вокруг отношений «мир – человек» либо «человек – мир». Согласно первому, объективистскому («мир – человек»), мы отдаем приоритет миру, который не зависит в своем существовании и качествах от желаний субъектов и человеческого способа видения. При субъективистском подходе («человек – мир») границы между «я» и миром размываются при доминировании личностного начала. Мир, в котором протекает наша жизнь, – это сплав субъективного и объективного, того, что зависит, и того, что вовсе не зависит от нас, и эта сложная диалектика каждый раз конкретно рассматривается на новом уровне и в новой исторической обстановке.

Возникает вопрос: насколько художник слова должен быть объективен, поскольку на его восприятие будет полагаться последующее думающее поколение. И дело уже не в том, чтобы отдать дань моде, а в том, насколько память, лежащая в основе мемуарной прозы, будет достаточно цепкой и объективной. Мемуары как бы материализуют эту память, при этом они открывают возможность общения с автором как бы напрямую. Ибо мемуарист отражает действительность и в то же время выражает свое к ней отношение, то есть в той или иной мере, так или иначе ее преобразует. Следовательно, без субъективности, без осознания художником своего отношения к жизни нет и творчества.

Происходит своего рода перенос внимания с объекта, о котором идет речь, на его восприятие, и это определяет значительность угла зрения, субъективность взгляда. Читатель же расположен все время «внутри»

размышлений повествователя. Иначе говоря, мемуары – это некий дискурс: важен не адресат, но субъективизация воспринимаемого, втягивание в повествование всего, что происходило, происходит, может произойти, вспоминается. И прямых указаний на присутствие адресата нет, но читающий всегда подразумевается.

«Мемуары – это рассказ в форме записок от имени автора про реальные события прошлого, участником или же очевидцем которых он был. Основным признаком мемуаристики является субъективное осмысление определенных исторических событий, жизненного пути конкретно-исторической личности с привлечением документов, соотношением собственного духовного опыта автора с внутренним миром его героев, социально-психологической природой их поступков, мотивацией действий и решений. Мемуарам присуща документальность, историческая достоверность, хотя и не исключаются права автора на художественный домысел» [7, с. 448-450].

Итак, мемуары, как и всякое художественное произведение, субъективны по своей природе. Но, несмотря на субъективность, мемуары – это документ, летопись времени, ибо читатель находит в них изображение исторических событий определенного времени, узнает о политических и философских идеях, волновавших автора и его современников.

Одним из источников сведений для мемуаров являются дневники.

«Дневник как литературный жанр отличается предельная искренность, откровенность высказывания; это всегда – фиксация «только что» случившегося и пережитого: дневник не ретроспективен, пишется для себя и не рассчитан на публичное восприятие (в отличие от литературного дневника), что сообщает ему особую подлинность, достоверность... Многие личные дневники с течением времени становятся незаменимыми, историческими документами эпохи» [8, с. 98].

Иначе говоря, дневник – тоже документ, летопись, только летопись души. Вести дневник важно и нужно любому человеку (другое дело – хотеть и уметь это делать). Ну а уж человеку творческому – поэту, художнику, музыканту – это, кажется, должно. Это как некая миссия – запечатлеть для потомков свое время, эпоху, но самое главное – душу человеческую. Человеку всегда хочется что-то знать о другом человеке. Вероятно, это извечное желание на уровне рефлекса (инстинкта). Так вот, читая записи (дневники) о другом человеке, разве мы тем самым не понимаем что-то и о самом себе?! Тогда дневники – это портрет. Портрет души человека. К тому же двойной портрет: человек в своем времени и вечный человек.

Дневник сохраняет в неприкосновенности личную точку зрения свидетеля и участника происходящего. В этом главный смысл и основной интерес дневниковой прозы.

Для многих писателей ведение дневника становилось своеобразной творческой лабораторией, в которой оттачивались сюжеты, мысли и стиль. Не исключение и «История моей души» Максимилиана Волошина, хотя вряд ли поэт когда-либо думал о публикации своих личных записей.

Вообще, первый свой дневник М.Волошин начал еще гимназистом в 1892 году. В этих дневниках, пусть даже отрывочных, видны живая мысль пытливого подростка, его стремление к саморазвитию, самопознанию, интерес к литературе и искусству. «<...> Я сюда собирался записывать все, т.е. мои мысли, заметки, стихотворения, вести дневник. Словом, описывать день со всеми его подробностями. Не знаю, долго ли буду писать эти заметки. Я уже несколько раз прежде принимался писать дневник, но постоянно бросал. Теперь я хочу писать его аккуратно изо дня в день до самого конца года...» [6, с. 49].

Уже в юные годы Волошина занимают серьезные вопросы, которые в итоге приводят его к философским размышлениям о поэзии, о назначении поэта.

«... Меня теперь опять начинает занимать вопрос, что такое поэзия. Помню, в прошлом году я много думал над этим и пришел к заключению, что поэзия есть гармония души со всем окружающим. Но теперь это объяснение мне кажется темным и непонятным. Надо будет опять подумать...» [6, с. 49-50].

Обращаешь внимание и на то, что Волошин уже тогда пытается изучить, «объяснить», понять Человека через своих одноклассников, друзей. Дает им достаточно емкие (для его возраста) определения-характеристики. (Удивительное качество, наметившееся уже в юности, – умение ценить в людях не внешний облик и даже не ум, а яркую индивидуальность).

«<...> Вот кто же у нас в классе есть из замечательных личностей? Во-первых, Чернцов, он, бесспорно, самый замечательный человек у нас в классе. Он идеалист. Он даже самый красивый идеалист. Ему следовало родиться в 60-х годах или во времена Шиллера. Это была бы как раз его эпоха. <...> Затем самый замечательный человек – это Румянцев. Он, должно быть, никак теперь не подозревает этого, а это правда. У него в высшей степени оригинальный склад ума... Он любит и понимает, кажется, красоту...» [6, с. 50].

С 1904 года дневник становится для Волошина насущной потребностью (до этого у него были отрывочные записи), и продолжает он вести его до июля 1932 года – последняя запись сделана за несколько дней до прекращения земного пути поэта. Почти тридцать лет жизни человека – тридцать лет уходящего XX века, не самых спокойных в его истории.

«Я не могу говорить о текущем – внутреннем. Если говорю – преувеличиваю. Через несколько месяцев я почти свободно говорю о себе и анализирую. Поэтому я не могу писать дневника. У меня есть непосредственное чувство, но нет для них непосредственных слов. Слова всегда запаздывают» [2, с. 188]. То есть все должно осесть в памяти, принять хоть какую-то «осязаемую» форму.

«История моей души» М. Волошина является таким дневником-исповедью, в котором, вглядываясь в себя и выстраивая модель своего жизнеощущения, одновременно обнаруживаешь некие общие установки общечеловеческого сознания.

В дневниковых записях и характеристиках всего, что он знал о жизни, Волошин стремился быть безусловно правдивым – по крайней мере перед самим собой. А это условие, которое выдерживает далеко не каждое сочинение. Даже и вполне профессиональное. Как настоящий художник, Волошин прислушивался к внутреннему голосу, следовал ему и постепенно, с настоящим бесстрашием погружался в то, что переживалось им «в самой глубине». «Вчера и сегодня – дни острой физической боли. Она мне кажется такой позорной, что я никому ее не показываю и боюсь, что кто-нибудь догадается об ней. Но в эти минуты весь собираешься внутри. Как один глаз, гипнотизирующий боль. Внешне становишься равнодушным. Мне стыдно быть равнодушным. Это сопровождается каким-то виноватым чувством нарушения моего стиля» [2, с. 206].

В «Истории...» складывается определенная иерархия: автор (Волошин) – рассказчик (опять-таки личность Волошина) – персонаж (душа, внутреннее «я» Волошина). В этой иерархии существует еще один элемент, «сцепляющий» эти звенья. Это – **воспоминание** (ведь даже в дневнике не сразу фиксируется момент, событие, хоть малое время, но проходит). Сам Волошин предъявлял к воспоминаниям достаточно высокие требования. Еще в 1904 году, 9 августа, в его дневнике появилась запись: «Область воспоминаний – область тайная и интимная. Сюда нельзя вводить всякого. Встреча воспоминаний – внезапный толчок, высшая радость. В этой области – сказанное забывается; каменеет. Каждое слово тяжелым камнем закрывает просочившийся до сознания источник. Художник, идущий к своим воспоминаниям, ищет в них не пережитой действительности, а себя самого в настоящем, вне времени» [2, с. 201].

Насколько достоверен Волошин? Его страсть к мистификациям общеизвестна.

В гимназические годы Волошин, как и его мать Е.О. Волошина, занимался переводами. В одном из писем он посылает матери на суд два перевода из Гейне. Е.О. Волошина отмечает первое из них, отрывок из которого звучит так:

Душа моя широка:
Как небесный свод,
Вмещает она в себе
Всю вселенную.
Ревет ли буря,
Сияет ли солнце,
Плывут ли облака
По синему небу –
Все отражается в ней,
Все находит в ней отклик.

Позже выясняется: «В прошлом письме я позволил себе маленькую мистификацию: те два стихотворения, которые я отправил Вам в прошлом письме под видом переводов из Гейне, – мои собственные, оригинальные. То, которое Вам понравилось, называется “Человек”» [9].

Или нашумевшая история с Черубиной де Габриак – Е.И. Дмитриевой. Будучи некрасивой и незаметной, но поразительно талантливой поэтессой, Лиля (Елизавета) Дмитриева стала известна петербургскому литературному обществу благодаря М. Волошину. Он придумал ей псевдоним – Черубина де Габриак и удивительную, полную романтизма биографию. Как вспоминает Е. Герцык: «...какие мотивы преобладали в нем – страсть ли к мистификации, желание осмеять литературный снобизм, рыцарская защита женщины-поэта? Но он был упоен хитро вытканым узором и восхищался талантливостью Д.» [3, с. 342].

Но это всего лишь розыгрыши, творческое преобразование жизни. Там, где касалось фактов литературной и художественной жизни, Волошин стремился к строгой документальности. Конечно, некоторая доля субъективности восприятия неизбежна. В одном из своих стихотворений Волошин говорил об относительности человеческой памяти: «Память – неверная нить Ариадны – / Рвется в дрожащих руках» [4, с. 50].

У самого Волошина память была отличная: «...будучи в Феодосии очень одинок, я приобрел привычку читать про себя стихи, которых знал наизусть в громадном количестве» [5, с. 246].

Другое качество его ума: объективность, то, что он «зеркально» все отражает. «Я зеркало. Я отражаю в себе каждого, кто становится передо мной. И я не только отражаю его лицо – его мысли – я начинаю считать это лицо и эти мысли своими» [2, с. 230]. Для мемуариста, как известно, это свойство неопределимо.

Таким образом, стремление Волошина к достоверности, надежная память и «зеркальность» восприятия перевешивали, поэтому в итоге можно считать, что его субъективность в воспоминаниях была минимальной. Этому способствовало и отсутствие в нем непомерного честолюбия, самолюбования, пренебрежения к окружающим. Человек он был достаточно скромный, самокритичный, с объективным складом ума. М. Цветаева вспоминает, что Макс «настолько не воин, что ни разу не рассорился ни с одним человеком из-за другого. – Ты не понимаешь, Марина. Это совсем другой человек, чем ты, у него и для него иная мера. И по-своему он совершенно прав – так же, как ты – по-своему» [10, с. 348].

И это не говорит о его малодушии. Нет! Это тот настрой на добро, который с годами станет его сущностью, его философией жизни.

По Волошину, жизнь – это вереница мгновений. Тогда дневники – это фиксация мгновения, поскольку дневник – это ежедневное наблюдение за собой и окружающими, раз и навсегда зафиксированный момент

жизни, дополнить здесь что-либо очень сложно. И для Волошина, как для художника, было важнее всего воспроизвести с максимальной правдивостью то или иное мгновение своего «здесь и теперь». Всякая деталь возникает перед ним под наитием широких философских раздумий о вселенной, о мироздании, о вечности: «Отражение в окне. Веласкезовское зеркало. Окно как символ. Цветы в окне – грань между призрачным и внутренним. Цветы как символ вечной радости внешней жизни. К ним она приходит, когда чувствует первое прикосновение смерти» [2, с. 207].

Все художественное (более всего – мемуарное) творчество М. Волошина – это углубленное философское осмысление окружающего мира и сущности человека с целью поисков между ними утерянной гармонии. По существу, поэт всю свою жизнь вел внутренний диалог и с самим собой, и с читателем.

Выводы. 1. М. Волошин в своей «Истории...» не претендует на изучение разноплановых параметров бытия, общественных обусловленностей, но идет к обобщению, оставаясь в границах внутренних душевных переживаний. Подобный тип обобщения предполагает, на наш взгляд, гораздо более острое ощущение ценности каждой человеческой личности, оценку этого «частного» как чрезвычайно важного в иерархии общечеловеческих критериев.

2. «История моей души» стала «кодой» всей мемуарной прозы М. Волошина. Создавая в разное время свои произведения, он параллельно вел дневник-исповедь о самом себе. Другими словами, «История моей души» является квинтэссенцией всего мемуарного творчества Волошина, которая еще раз подтверждает то, что Художник «пристально вглядывается» не только в каждого, но и прежде всего в самого себя. И тем самым, устремляясь в глубь личности, он в то же время поднимается до таких горизонтов, с которых обозрима система координат человеческой сути вообще.

Литература:

1. Бальзак О. Шагреновая кожа. – Ташкент: Медицина, 1983. – 240 с.
2. Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. – М.: Книга, 1991. – 416 с.
3. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. – М.: Правда, 1991. – 480 с.
4. Волошин М. Молось за тех и за других: Стихи, поэмы, статьи. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
5. Волошин М. Путник по вселенным. – М.: Сов. Россия, 1990. – 384 с.
6. Купченко В., Давыдов З. Из гимназического дневника Максимилиана Волошина // Семья и школа. – 1989. – № 11. – С. 49-51.
7. Літературознавчий словник-довідник // Гром`як Р. Т., Ковальнів Ю. І., Теремко В. І. – К.: Академія, 1997. – 752 с.
8. Литературный энциклопедический словарь // Под ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
9. Письмо М. Волошина к матери от 4 февраля 1897 г. Архив Дома-музея М.А. Волошина.
10. Цветаева М. Живое о живом // Волошин М. Молось за тех и за других. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 38 с.